ЛЕКЦІИ

по

Исторіи Русскаго Права

періодъ имперіи.

| 18 и 19 вѣкъ |.

Ординарнаго проф. ИМП. СПБ. Университета

В.Н. ЛАТКИНА.

Vladimir Nikolievich Latkin

С.-Петербургъ.

1893-94 г.г.

Лит. Д.М. Рудневъ, Новый пер. д. 5. с.п.б.

1922

ВВЕДЕНІЕ.

Задача исторіи права вообще есть научная разработка юридическаго быта извѣстнаго народа въ его историческомъ развитіи. Поэтому цѣль подобной разработки заключается въ раскрытіи законовъ, регулирующихъ юридическую жизнь извѣстнаго народа, т.е. управляющихъ постепеннымъ развитіемъ правовыхъ нормъ съ одной стороны и формъ ихъ выраженія и осуществленія съ другой. Такимъ образомъ, задача науки исторіи русскаго права, по самому своему существу, состоитъ въ раскрытіи: во-первыхъ, ф о р м ъ, въ которыхъ юридическія нормы и институты выражались и осуществлялись въ Россіи въ продолженіе ея историческаго существованія и, во-вторыхъ, с у щ н о с т и, с о д е р ж а н і я и о с н о в н ы х ъ н а ч а л ъ самыхъ юридическихъ нормъ и институтовъ. Изъ этого двойственнаго характера задачи науки исторіи русскаго права логически слѣдуетъ распаденіе послѣдней какъ бы на двѣ науки: исторію в н ѣ ш н ю ю или исторію законодательныхъ памятниковъ и исторію в н у т р е н н ю ю или исторію нормъ и институтовъ. Первая показываетъ причины появленія законодательныхъ памятниковъ-мотивы и цѣли, руководившіе законодателемъ при изданіи послѣднихъ, затѣмъ элементы, легшіе въ основаніе памятниковъ или ихъ источники, внѣшній составъ и содержаніе памятниковъ и, наконецъ, ихъ соотношеніе съ другими, какъ предшествующими имъ, такъ и послѣдующими за ними памятниками, т.е. общее значеніе каждаго памятника въ цѣлой системѣ современнаго ему законодательства.

Внутренняя исторія права занимается раскрытіемъ законовъ, регулирующихъ постепенное развитіе юридическихъ нормъ и институтовъ. Поэтому въ ея задачу входитъ изученіе сущности, содержанія и основныхъ началъ, а также внутренней связи и послѣдовательности такихъ нормъ, какъ по

Лекціи по Ист. Русскаго права.
Листъ 1-й.
Лит. Д.М. Рудкова, Новый пер. д. №5.
Зерт

отдѣльнымъ памятникамъ, такъ и по эпохамъ развитія законодательства.

Изъ опредѣленія внѣшней и внутренней исторіи права вытекаетъ ихъ соотношеніе. Разработка памятниковъ, какъ извѣстно, главная цѣль внѣшней исторіи, только подготовляетъ изученіе исторіи отдѣльныхъ отраслей права. Всесторонее изученіе внутренней исторіи возможно только послѣ основательной критической оцѣнки законодательныхъ памятниковъ по ихъ формѣ и содержанію. Вотъ, почему въ большинствѣ учебниковъ исторіи русскаго права изложеніе внѣшней исторіи предшествуетъ изложенію внутренней, такъ какъ объ исторіи отдѣльныхъ постановленій памятниковъ, само собою разумѣется, нельзя говорить безъ предварительнаго ознакомленія съ самими памятниками. Такимъ образомъ, внѣшняя исторія права, изучая отдѣльные источники права, этимъ самымъ работаетъ, такъ сказать, для очистки матеріала, оперированіе надъ которымъ составляетъ функцію внутренней исторіи.

Въ виду того, что наука исторіи права имѣетъ дѣло съ законами развитія юридическаго быта извѣстнаго народа, необходимо изучать ее по отдѣльнымъ періодамъ, въ которыхъ отразилась последовательность этого развитія. Основаніемъ дѣленія исторіи извѣстнаго народа на періоды являются внутреннія отличительныя свойства каждаго періода, тѣ присущія ему особенности и специфическія черты, которыя отличаютъ одинъ періодъ отъ другаго.

Изучая историческое развитіе юридической жизни русскаго народа, мы замѣчаемъ, что она прошла черезъ три періода, а именно: удѣльно-вѣчевой, періодъ Московскаго государства и періодъ имперіи. Нашему разсмотрѣнію подлежитъ послѣдній.

ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ

Законодательная дѣятельность.

Единственнымъ источникомъ права въ императорскую эпоху признается законъ. Обычай, игравшій такую важную роль въ области права въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ и въ Московскомъ государствѣ, отступаетъ теперь совершенно на задній планъ и, если не всегда *de facto*, то *de jure* совсѣмъ утрачиваетъ значеніе фактора образованія права. Въ виду этого, характеръ законодательства императорскаго періода не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ законодательства Московскаго государства. Въ то время, какъ законодательные памятники московскаго періода, будучи ничѣмъ инымъ, какъ сводами предшествующаго законодательнаго матеріала, главный источникъ котораго составляло обычное право, отличались, въ силу этого, вполнѣ консервативнымъ характеромъ, законодательство императорскаго періода, порвавъ всякую связь съ обычаемъ и являясь или плодомъ, такъ сказать, чисто теоритеческихъ соображеній отдѣльныхъ лицъ, или же будучи сколкомъ съ иностраннаго законодательства, усвоило себѣ вполнѣ реформаторскій характеръ.

Главная причина, обусловившая господство закона въ качествѣ источника права и, вслѣдствіе этого, видоизмѣнившая самый характеръ законодательства, состояла въ томъ, что въ изучаемую эпоху единственнымъ субъектомъ законодательной власти сталъ самодержавный государь, воля котораго творила законъ. Истинность этого положенія доказывается массою законодательныхъ памятниковъ свидѣтельствующихъ о значеніи государя въ качествѣ субъекта законодательной власти. Такъ, на докладныхъ пунктахъ Синода, представленныхъ Петру I въ 1721 г., значится слѣдующая помѣта самого государя: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ |т.е. о законѣ|, то не должно ни

въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить". Тоже встрѣчаемъ и въ указѣ 1722 г.: „Сенату чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оный апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присоединенъ будетъ". „Должна сія коллегія, читаемъ въ Духовномъ регламентѣ, новыми правилами дополнять регламентъ свой, однакожъ дѣлать сіе должна не безъ нашего соизволенія". Та же мысль проводится и въ указѣ 1762г., запретившимъ Сенату издавать такіе указы, „кои въ законъ или въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, не представя напередъ намъ и не получа на то апробацію". Точно также указъ 1780 г., запретившій генералъ-губернаторамъ „дѣлать отъ себя собственно постановленія", предписалъ имъ, въ случаѣ необходимости изданія таковыхъ, представлять объ этомъ Сенату, который не приминетъ внести къ намъ и крайнюю нашу волю исходатайствовать". Наконецъ, въ учрежденіи Государственнаго совѣта 1810 г. читаемъ: „никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не могутъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти". Такимъ образомъ изъ анализа содержанія указанныхъ памятниковъ видно, что единственнымъ субъектомъ законодательной власти въ 18 и 19 ст. является государь. Правда, были эпохи, когда законъ могъ издаваться и безъ санкціи со стороны государя, напр., при Петрѣ до 1722 г. |во время отсутствія государя изъ столицы или изъ государства| и въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда законодательная власть фактически сосредоточилась въ рукахъ Сената, вслѣдствіе нелюбви императрицы заниматься государственными дѣлами |объ этомъ будетъ еще сказано ниже|, но такія эпохи являлись исключеніемъ. Въ виду подобнаго положенія вещей, необходимо признать тотъ фактъ, что въ изучаемую эпоху, хотя разнымъ учрежденіямъ |напр., Сенату, Синоду, совѣтамъ при особѣ государя| и при-

надлежали законодательныя функціи, но п р а в а законодательства они не имѣли, такъ какъ участіе ихъ въ законодательной дѣятельности государей обусловливалось только соображеніями удобства, а не присущими имъ правами, хотя бы основанными на обычаѣ. Вотъ, почему теперь уже не встр чается формула, подобная московской: „государь указалъ, бо яре приговорили". Правда, Сперанскій сдѣлалъ подобную попытку, введя свою извѣстную формулу: „внявъ мнѣнію Госу - дарственнаго совѣта", но она не удержалась въ законода - тельствѣ, въ виду полнѣйшаго своего противорѣчія съ основ ными началами послѣдняго.

Въ императорскомъ періодѣ уже сознается различіе понятій закона, административнаго распоряженія и судебнаго рѣ шенія, хотя нельзя сказать, чтобъ въ законодательствѣ это различіе вполнѣ отразилось. Вплоть до Екатерины II мы не замѣчаемъ попытокъ разграничить понятіе закона отъ административнаго распоряженія. Впервые подобную попытку производитъ извѣстный Наказъ, но крайне неудачно. Подъ „законами" Наказъ понимаетъ „тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться", подъ „указами" же „все то, что для какихъ нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться". Нѣсколько удовлетвори - тельнѣе этотъ вопросъ разрѣшенъ въ Наказѣ, данномъ Государственному совѣту 5 Апрѣля 1801 г. Онъ знаетъ „государственныя постановленія временныя" и „коренныя или непре ложныя". Подъ первыми понимаются „всѣ тѣ, кои опредѣляютъ какое либо обстоятельство государственное, по существу своему перемѣнѣ подлежащее" |напр., воспрещеніе или разрѣшеніе извѣстнаго рода торговли, наложеніе пошлины, установленіе тарифа, разнаго рода распоряженія по строительной части и т.п.|. Подъ вторыми понимаются „тѣ, коихъ предметы постоянны и непремѣнны и которыя объемлютъ въ себѣ всѣ времена и узаконяются на вѣки" |напр., Жалован-

ная грамота дворянству, городовое положеніе, общіе гражданскіе законы и т.п.|.

Однако, практика не дѣлала никакого различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ, если послѣднее исходило непосредственно отъ верховной власти, считая ихъ по силѣ дѣйствія вполнѣ равнозначущими. Напротивъ, административныя распоряженія подчиненныхъ властей |напр.,коллегій, губернаторовъ, воеводъ и т.п.| различались отъ закона и должны были быть подзаконны, т.е. издаваться въ предѣлахъ закона и не переходить черезъ послѣднія.

Что касается до судебнаго рѣшенія, то оно трактовалось, какъ примѣненіе закона къ отдѣльному конкретному случаю и не считалось закономъ, изданнымъ *ad hoc*, что нерѣдко имѣло мѣсто въ москочскую эпоху.

Переходимъ къ моментамъ составленія закона. Инициатива закона существовала въ формѣ оффиціальнаго и частнаго почина. Первый принадлежалъ государю и подчиненнымъ властямъ. Внѣшняя форма иниціативы государя могла быть устная и письменная. Впрочемъ, при Петрѣ, какъ то было предписано Генеральнымъ регламентомъ, иниціатива государя обязательно должна была выражаться въ письменной формѣ.

Что касается до иниціативы подчиненныхъ властей,то она принадлежала какъ центральнымъ |Сенату, Синоду, совѣтамъ при особѣ государя, коллегіямъ, министерствамъ и т.п.|, такъ и мѣстнымъ учрежденіямъ. На основаніи Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. мѣстныя учрежденія могли возбуждать законодательные вопросы при слѣдующихъ условіяхъ: генералъ-губернаторъ созывалъ общее собраніе изъ членовъ губернскаго правленія, казенной, гражданской и уголовной палатъ,которыя, въ присутствіи губернскаго прокурора, постановляли обязательно единогласное рѣшеніе, заносившееся въ журналъ засѣданія и представлявшееся въ Сенатъ. Затѣмъ на основа

ніи Жалованной грамоты дворянству 1785 г дворянскія собранія имѣли право ходатайствовать о своихъ нуждахъ и пользахъ черезъ особыхъ депутатовъ передъ Сенатомъ и непосредственно передъ самимъ государемъ.

Частный починъ, хотя и существовалъ, но далеко не имѣлъ того значенія, какое было присуще ему въ 16 и въ 17 ст., когда огромная масса законовъ первостепенной важности возникла благодаря частнымъ челобитіямъ. Иногда само правительство требовало возбужденія законодательныхъ вопросовъ со стороны общества путемъ подачи, такъ называемыхъ, наказовъ съ изложеніемъ нуждъ и желаній сословій, какъ, напр., въ 1767 году при созваніи Екатериной II своей извѣстной коммиссіи по составленію проекта новаго Уложенія.

Второй моментъ составленія закона, а именно с о с т а в л е н і е п р о е к т а - сосредоточивался обыкновенно въ государственныхъ установленіяхъ |въ Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ и пр.| или въ особыхъ коммиссіяхъ, организовавшихся спеціально для этой цѣли |напр., безчисленныя коммиссіи по составленію новаго Уложенія, длинный рядъ которыхъ тянется отъ Петра I и вплоть до Николая I|.

Третій моментъ-обсужденіе проекта-выражался въ формѣ предварительнаго и окончательнаго обсужденія. Предварительное обсужденіе происходило въ коллегіяхъ и спеціально для этого учреждаемыхъ коммиссіяхъ, окончательное же имѣло мѣсто въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ |въ Сенатѣ, Синодѣ и въ совѣтахъ при особѣ государя|. Съ образованіемъ Государственнаго совѣта въ 1810 г. онъ сталъ единственнымъ мѣстомъ |если не считать Синода и Военнаго совѣта| обсужденія закона. Иногда, какъ при составленіи, такъ и при обсужденіи проекта правительство призывало депутатовъ отъ сословій. Такъ, при обсужденіи Духовнаго регламента были созваны два съѣзда изъ духовныхъ лицъ |одинъ въ Москвѣ, другой въ Казани|. Затѣмъ въ коммиссіи по составленію проекта новаго Уложенія нерѣдко призывались со-

словные депутаты |при Петрѣ II, при Аннѣ Ивановнѣ, при Елизаветѣ Петровнѣ и при Екатерины II|.

Послѣдній моментъ составленія закона-с а н к ц і я его со стороны верховной власти-всегда осуществлялся государемъ. |I| Если были такія эпохи, когда законъ получалъ санкцію и помимо государя |при Петрѣ во время отсутствія государя до 1722 г. и при Елизаветѣ Петровнѣ|, то они являлись исключеніемъ и продолжались недолго. Напротивъ, въ отличіе отъ московскаго періода, теперь дѣйствовала правило, что санкція со стороны государя есть необходимое условіе, conditio sine qua non превращенія каждаго законопроекта въ законъ. Санкція выражалась, какъ въ устной, такъ и въ письменной формѣ. Впрочемъ, при Петрѣ на основаніи Генеральнаго регламанта для санкціи была предписана только письменная форма. „Того ради, читаемъ въ регламантѣ, соизволяетъ его царское величество всякія свои указы въ Сенатъ и коллегіи отправлять письменно, ибо, какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ словесные указы никогда отправляемы быть не подлежатъ". Напротивъ, преемники Петра допускали и устную форму. Такъ, уже Екатерина I предписала исполнять словесные указы, подписанные секретаремъ Верховнаго тайнаго совѣта. При Петрѣ II, Аннѣ Ивановнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ словесная форма преобладала, въ силу

I| Въ современной нѣмецкой литературѣ |Лабандъ, Еллинекъ| отъ момента санкціи отличается еще моментъ пронульгаціи закона, т.е. повелѣніе объ его исполненіи, но въ нашей литературѣ этихъ моментовъ обыкновенно не различаютъ. Такое смѣшеніе санкціи съ пронульгаціей объясняется по справедливому заключенію проф Коркунова тѣмъ, что, при неограниченности власти государя, могущаго тотчасъ же отмѣнить всякій законъ только что обращенный къ исполненію, различіе это обыкновенно не представляетъ никакого практическаго интереса |Коркуновъ. Русское государственное право, т. II стр. 82|.

чего неоднократно возникали противорѣчія между словесными и письменными указами. Въ виду этого, при Петрѣ III былъ изданъ указъ |22 Янв. 1762г.|, которымъ предписывалось признавать дѣйствительнымъ только тотъ словесный указъ, который 1| объявлялся опредѣленными лицами, а именно: сенаторами, оберъ-прокуроромъ, президентами трехъ высшихъ коллегій |иностранныхъ дѣлъ, военной и морской|, 2| не отмѣнялъ письменнаго указа и 3| не касался извѣстныхъ предметовъ, точно поименованныхъ въ указѣ 1762 г. Указы же, неудовлетворявшіе этимъ тремъ условіямъ, признавались недѣйствительными и не подлежали исполненію. Въ царствованія Екатерины II и Павла I было произведено значительное расширеніе числа лицъ, объявлявшихъ словесную волю государя, такъ что правительство снова стало склоняться идти по прежнему пути. При Александрѣ I словесная форма санкціи государя была совершенно уничтожена |учрежденіемъ министерствъ 1802г.|, |1| письменная же получила новую форму а именно: „внявъ мнѣнію Государственнаго совѣта, постановляемъ или учреждаемъ". Въ этой формулѣ до послѣдняго вре-

---

1| Вотъ что гласитъ ст. 10 учрежденія министерствъ 1802г.: „ежели государь, по изслѣдованіи доклада министра, признаетъ предлагаемыя министромъ средства за полезныя и увидитъ, что онѣ не требуютъ ни отмѣны существующихъ законовъ ни введенія или учрежденія новыхъ, то утвердивъ собственноручно сей докладъ министра, возвращаетъ къ нему для учиненія по онымъ исполненія". Въ 1806г. былъ объявленъ даже выговоръ московскому губернскому правленію за то, что члены его не только неправильно истолковали, но и приняли объявленный бывшимъ министромъ юстиціи указъ въ семъ направильномъ смыслѣ къ исполненію, въ отмѣну общихъ законовъ, за подписаніемъ нашихъ изданныхъ". Впрочемъ, съ учрежденіемъ Государственнаго совѣта въ 1810г. словесные указы опять получили довольно широкое примѣненіе на практикѣ.

мени видѣли ограниченіе власти государя. |1| Дѣло въ томъ, что Государственный совѣтъ былъ признанъ единственнымъ и обязательнымъ необходимымъ законодательнымъ учрежденіемъ, поэтому, по мнѣнію указанныхъ ученыхъ, только тотъ законъ могъ получить санкцію состороны государя, который прошелъ черезъ Государственный совѣтъ, т. е. за который высказалось большинство членовъ Государственнаго совѣта. Вотъ почему государь, утверждая новый законъ, долженъ былъ выражать это въ формѣ: „внявъ мнѣнію Государственнаго совѣта". Такимъ образомъ ограниченіе власти государя, заключавшееся въ приведенной формѣ, состояло въ томъ, что проектъ закона, противъ котораго высказалось большинство въ Государственномъ совѣтѣ, не могъ быть утвержденъ государемъ, такъ какъ подъ нимъ нельзя было написать: „внявъ мнѣнію совѣта". |2| Подобное же толкованіе указанная формула вызвала и въ современномъ ей обществѣ какъ то видно изъ записки о древней и новой Россіи Карамзина, представленной имъ Имп. Александру I. Вотъ что между прочимъ читаемъ въ этой запискѣ: „поздравляю изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: „внявъ мнѣнію совѣта." Государь россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собственномъ ли умѣ, въ книгахъ ли, въ головахъ ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя. Онъ имѣетъ всю власть. Совѣтъ, Сенатъ, комитеты, министры суть только способы ея дѣйствій или повѣренные государя; ихъ не справшиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе: „le conseil d'état entendu" не имѣетъ смысла для гражданина россійскаго; пусть французы справедливо или несправед-

---

1| Этой точки зрѣнія придерживаются проф. Градовскій, Сергѣевичъ, Романовичъ-Славатинскій, Энгельманъ, Сокольскій и Владимірскій-Будановъ.

2| См. Сергѣевича Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 762.

ливо употребляютъ его. Правда, и у насъ писали: „государь указалъ, бояре приговорили", но сія законная пословица была на Руси нѣсколько лѣтъ панихидою на усопшую аристократію боярскую: воскресимъ ли форму, когда и вещь, и форма давно истребилась". Однако, подобное толкованіе названной формулы какъ основательно замѣчаетъ проф. Коркуновъ, не имѣетъ за собою другого основанія, кромѣ нѣкоторой двусмысленности слова „внявъ", которое можетъ означать и „выслушавъ" и „согласившись". Между тѣмъ не трудно убѣдиться, что установленіе этой формулы не имѣло и не могло имѣть цѣлью ограничить чѣмъ либо власть государя. Ссылаясь на слова Карамзина, приведенныя выше, проф. Коркуновъ справедливо замѣчаетъ, что указанная формула является ничѣмъ инымъ, какъ переводомъ съ французскаго: „Le conseil d'état entendu", что означаетъ: „выслушавъ" совѣтъ, а не „согласившись" съ нимъ, такъ какъ мнѣнія |avis| французскаго государственнаго совѣта никогда не признавались и не признаются обязательными для правительства, такъ какъ первый никогда не ограничивалъ и не ограничиваетъ власти послѣдняго. Президентъ французской республики можетъ не согласиться съ мнѣніемъ совѣта и по такимъ дѣламъ, которыя онъ обязанъ рѣшать „conseil d'état entendu", такъ какъ для него обязательно только выслушать мнѣніе государственнаго совѣта, но не слѣдовать непремѣнно этому мнѣнію. Второй доводъ проф. Коркунова противъ указаннаго толкованія формулы: „внявъ мнѣнію совѣта" также вполнѣ убѣдителенъ. Какъ извѣстно |объ этомъ будетъ сказано ниже| по плану Сперанскаго Государственный совѣтъ совершенно не предназначался къ законодательной роли. Для этой цѣли должна была быть учреждена Государственная дума съ властью, дѣйствительно ограничивавшей власть государя. Государственный же совѣтъ получалъ функціи исключительно административно-исполнительнаго характера и долженъ былъ издавать не законы, а „уставы" и „учрежденія", т. е. такіе юридическіе акты, „кои, не вводя

никакой существенной перемѣны, учреждаютъ только образъ исполненія законовъ" и, „не составляя предмета законодательнаго сословія, относятся къ дѣйствію власти исполнительной". Такимъ образомъ очевидно, что у Сперанскаго не могло быть и мысли о приданіи мнѣніямъ Государственнаго совѣта обязательной силы, тѣмъ болѣе, что по его проекту „власть исполнительная должна была быть вся исключительно ввѣрена правительству и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было поставить ее въ отвѣтственность власти законодательной". Между тѣмъ |замѣчаетъ проф.Коркуновъ|, отвѣтственность была бы неосуществима и немыслима, если-бы осуществленіе исполнительной власти въ изданіи уставовъ и учрежденій, опредѣляющихъ образъ исполненія законовъ, было связано обязательными для нея мнѣніями Государственнаго совѣта. Словомъ, изъ всего плана Сперанскаго о преобразованіи государственнаго устройства Россіи съ очевидностью слѣдуетъ, что выраженіе „внявъ мнѣнію" онъ понималъ просто въ смыслѣ „выслушавъ", какъ переводъ французскаго „conseil d'état entendu". Обратившись къ самому Образованію Государственнаго совѣта 1810г., мы и въ немъ не найдемъ постановленія о томъ, чтобы императору къ утвержденію представлялось только мнѣніе большинства Такъ, по ст.54 члены, не согласившіеся съ общимъ заключеніемъ, въ теченіе недѣли доставляютъ къ государственному секретарю свои мнѣнія, которыя и прилагаются въ подлинникѣ къ журналу. Затѣмъ, согласно ст 55, „государь можетъ повелѣть эти особыя мнѣнія вновь обсудить въ совѣтѣ. Наконецъ, послѣднее доказательство проф.Коркунова заключается въ слѣдующемъ. Если еще могло быть какое нибудь сомнѣніе |говоритъ онъ|, не имѣлъ-ли Государственный совѣтъ ограничительнаго значенія, то уже во всякомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы для императора въ какомъ бы то ни было смыслѣ могли быть обязательны мнѣнія назначаемыхъ имъ генералъ-губернаторовъ. Между тѣмъ въ высочайшихъ манифестахъ того времени по дѣ-

дѣламъ Финляндіи встрѣчается такая формула: „внявъ мнѣнію финляндскаго генералъ-губернатора и тамошняго правительственнаго совѣта" или даже „внявъ мнѣнію финляндскаго генералъ-губернатора и тамошняго правительствующаго сената, равно какъ и подлежащихъ консисторій". Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ формула, „внявъ мнѣнію" понималась въ смыслѣ „выслушавъ мнѣніе". |I| Однако и въ этомъ смыслѣ указанная формула употреблялась всего два съ половиною года, |2| а затѣмъ и вовсе вышла изъ употребленія, сперва на практикѣ, а съ изданіемъ новаго Учрежденія Государственнаго совѣта I5 апрѣля I842г. и въ законѣ.

Съ утвержденіемъ закона государемъ наступалъ моментъ публикаціи закона. Необходимость его по крайней мѣрѣ въ судебныхъ дѣлахъ была вполнѣ сознана уже при Петрѣ, предписавшимъ „примѣнять къ судебнымъ дѣламъ указы, всенародно напечатанные и повсюду объявленные". Тоже самое, но по отношенію уже ко всѣмъ законамъ, предписала Екатерина II, высказавъ въ уставѣ благочинія I782г. слѣдующее положеніе: „нельзя взыскивать исполненія по закону, необнародованному". Въ дѣлѣ публикаціи важную роль игралъ Сенатъ. По указу I72I г. всѣ новые законы должны представляться въ сенатъ „на апробацію", утверждаться подписью его членовъ и публиковаться во всеобщее свѣдѣніе. Тоже предписываетъ и указъ I723г. „Когда отъ Его Императорскаго Величества, читаемъ въ немъ, который коллегіи или канцеляріи присланы будутъ письменные или словесные

| Коркуновъ, Значеніе формулы: „Внявъ мнѣнію Государственнаго совѣта |Юридическая Лѣтопись", № I2 I892г. |.

| Названная формула встрѣчается всего въ 3I манифестѣ. Первый изъ нихъ отъ 2 февр. I8I0г., послѣдній отъ I7 іюня I8I2г.